

Глава 4

Чтобы не спугнуть кроху, Жун Чэньцзюнь долго стоял на корточках, боясь даже шелохнуться. Ноги постепенно затекли. Сначала было ещё ничего, но вскоре их свело так сильно, что он почти перестал чувствовать собственные конечности.

Но на его лице по-прежнему играла мягкая, тёплая улыбка.

— Тебя зовут И Даньдань, верно? — ласково спросил он. — Могу я звать тебя Даньдань?

Крошечный человечек смущённо кивнул:

— Можно. — Он немного помолчал и робко добавил: — Ты первый, кто назвал меня по имени.

Жун Чэньцзюнь искренне удивился:

— Правда?

— Правда-правда. Даньдань с тех пор, как проснулся, видел только тебя одного.

Когда он, ещё совсем сонный и ничего не соображающий, обрёл разум и принял человеческую форму прямо в холодильнике Жун Чэньцзюня, то сразу заметил через окно и по телевизору, какие огромные существа населяют этот мир. Пусть малыш ничего толком не понимал, но врождённое чувство опасности у него было развито отменно.

Поэтому он без лишних раздумий притаился. Позже пристрастился смотреть телевизор вместе с хозяином квартиры, а когда того не было дома, жадно впитывал новые знания. Он даже имя себе придумал сам — совсем как люди на экране.

Поскольку сам он был обычным куриным яйцом, имя Даньдань напросилось само собой. А вот с фамилией вышло забавно. Как-то раз по телевизору крутили передачу, и ведущий обронил фразу: «Разбить яйцо на самом деле не так уж легко...» На экране побежали титры, где слово «легко» — и — по ошибке записали похожим иероглифом, созвучным с фамилией И. Малыш, не умевший толком читать, зацепился за это слово. Он решил, что фамилия И подходит ему идеально: ведь он и впрямь «непростое» яйцо, которое так легко не разобьёшь! К тому же в титрах закралась опечатка, и вместо иероглифа «яйцо» высветился другой — «дань», означающий рассвет. Не зная грамоты, малютка решил, что именно так его суть и пишется.

Жун Чэньцзюнь, не подозревая обо всех этих лингвистических тонкостях, просто ласково звал кроху Даньданем. Имя казалось ему невероятно подходящим — круглое, гладкое личико малыша и впрямь напоминало идеальное яичко.

Услышав, что он первый, кто обратился к малышу по имени, Жун Чэньцзюнь почувствовал, как в груди разливается тёплая волна восторга. Он никогда в жизни не испытывал подобной детской радости. Он так широко улыбался, что едва не сводило челюсть.

Увидь его сейчас подчинённые, они наверняка умерли бы от разрыва сердца.

— Даньдань, а где твоя семья? — мягко спросил он.

И Даньдань озадаченно склонил голову набок:

— Семья? А что это такое?

Затёкшие ноги Жун Чэньцзюня больше не держали. С трудом сохраняя равновесие, он ответил:

— Семья — это те, кто живёт вместе с тобой... Послушай, Даньдань, у меня ужасно затекли ноги. Можно я встану?

Страх улетучился без следа. Даньдань послушно взмыл в воздух, задействовав свою духовную силу. Жун Чэньцзюнь во все глаза, затаив дыхание, наблюдал, как этот крошечный эльф парит прямо перед его лицом. Мужчина смотрел с лихорадочным восторгом.

Опираясь на пол, Жун Чэньцзюнь со стоном поднялся и пересел на диван. Даньдань тут же опустился рядом и устроился на мягкой обивке, забавно скрестив крохотные ножки. Он был настолько крошечным, что рассмотреть выражение его милого личика с такого расстояния оказывалось непростой задачей.

Малыш задрал голову, заглядывая ему в глаза:

— Те, кто живут вместе... Но ведь это ты? Значит, моя семья — это ты. Пусть даже мы немного... разного размера.

Жун Чэньцзюнь лишился дара речи.

У него снова перехватило дыхание от избытка чувств.

— Да, отныне мы семья, — с трудом подавив волнение, выдохнул он. — Но я имел в виду... есть ли у тебя сородичи? Те, кто похож на тебя?

— Сородичи? — тоненьким голоском переспросил И Даньдань. — Даньдань не знает. Я никого больше не видел.

Глядя на это очаровательное существо, Жун Чэньцзюнь едва сдерживал непреодолимое желание бережно подхватить его ладонями и зацеловать до полусмерти. Но, боясь напугать кроху, он совершил над собой невероятное волевое усилие и сдержался.

— А к какому же народу ты принадлежишь, Даньдань? Почему ты такой крошечный? Ты лесной эльф?

— Вовсе нет, — отозвался малыш. — Даньдань — это яйцо.

Жун Чэньцзюнь опешил:

— Куриное яйцо?

Из сбивчивых и наивных объяснений Даньдани Жун Чэньцзюнь наконец-то восстановил картину его появления на свет.

Оказалось, малютка действительно зародился в обычном яйце. По его словам, он долго лежал в холодильнике Жун Чэньцзюня, пока около года назад у него внезапно не пробудилось сознание. Вместе с ним в голове из ниоткуда возникла техника принятия человеческой формы. Малыш прилежно практиковал её целых полгода, пока наконец не обрёл человеческий облик.

А тренировался он с таким рвением по одной простой причине: в холодильнике было невыносимо холодно. Бедный желток внутри него едва не заledenел...

Обретя человеческое тело, он интуитивно научился управлять магией. Первым делом покинул ледяную темницу холодильника, ведомый непреодолимым любопытством — так хотелось взглянуть на большой мир.

Но реальность повергла его в шок. Всё вокруг, включая хозяина квартиры Жун Чэньцзюня, оказалось невероятных, пугающих масштабов.

Впервые увидев вернувшегося дома Жун Чэньцзюня, малютка перепугался до смерти и забился за диван, откуда испуганно подглядывал за гигантом. Тогда он ещё не догадывался, что роскошный игрушечный особняк предназначен для жилья, и спал прямо на полу за диванными подушками.

Со временем он приноровился тайком наблюдать за Жун Чэньцзюнем: научился включать телевизор, пробовать еду (раньше-то ему пища была без надобности) и освоил массу полезных вещей.

Увидев, что Жун Чэньцзюнь и люди на экране носят одежду, Даньдань решил не отставать. Как раз в те дни он заметил, как мужчина складывает крошечные кукольные вещички в ящик гардеробной. Малыш прокрался туда и примерил обновки.

Позже по передачам он освоил стирку, подсмотрел, как Жун Чэньцзюнь принимает душ, и постепенно овладел всеми необходимыми бытовыми навыками.

Словом, его учителями были Жун Чэньцзюнь и цветной экран. Малыш даже подумывал набраться смелости и выбраться наружу, но непреодолимый страх держал его взаперти: он ужасно боялся, что его съедят.

— По телевизору говорили, что все люди — и старые, и малые — просто обожают яйца! — совершенно серьёзно поведал он Жун Чэньцзюню. — Если Даньдань выйдет наружу и его поймают, то обязательно съедят!

Жун Чэньцзюнь и подумать не мог, что его таинственный жилец окажется настоящим монстром. Да ещё и Яичным духом.

Неужели в их мире действительно существуют магия и монстры? Разве после образования КНР не ввели строжайший запрет на обретение разума животными и вещами?

— Ты абсолютно прав, Даньдань, — поддакнул Жун Чэньцзюнь. — Внешний мир полон опасностей. Хорошо, что ты не убежал. Стоит тебе попасться кому-то на глаза, тебя тут же схватят. Есть, может, и не станут, но запрут в секретной лаборатории и разрежут на кусочки ради опытов.

— А что значит «разрезать на кусочки ради опытов»? — с любопытством спросил И Даньдань, ничуть не разгадав чужую уловку.

— Это значит, что тебя разделят на тончайшие ломтики, чтобы изучить под микроскопом и понять, почему ты уродился таким крошечным.

Малыш был совершенно оторван от реальности и судил о мире лишь по обрывкам телепередач. Жун Чэньцзюнь твёрдо решил, что займётся его воспитанием лично. С такой наивностью Даньдань гарантированно угодил бы в лапы негодяям при первой же встрече.

О его существовании никто не должен узнать. Насмотревшись на теневые стороны жизни, Жун Чэньцзюнь не собирался рисковать своей крохой. Внушить ему правила безопасности было первоочередной задачей.

Слова мужчины возымели действие — И Даньдань испуганно сжался. Поскольку Жун Чэньцзюнь был первым, кого он встретил в облике человека, малыш испытывал к нему подсознательную привязанность, похожую на инстинкт новорождённого птенца. Он доверял ему безоговорочно, особенно теперь, когда они подружились.

По сути, разум крохи оставался чистым листом бумаги, не знающим лжи и предательства.

— Люди такие страшные... — всхлипнул он.

Глядя, как в глазах малютки мгновенно наливаются крупные слёзы, а сам он начинает мелко дрожать, Жун Чэньцзюнь укорил себя за глупость. И зачем только он сгустил краски?

Довёл ребёнка до слёз, а как теперь успокоить?

У него не было ни малейшего опыта общения с детьми. Младшего брата родители с младенчества держали от него подальше, так что Жун Чэньцзюнь даже близко к нему не подходил.

— Ну же, Даньдань, хороший мой, не плачь, — засуетился он. — Малыш, прости меня, глупого. Я совсем не хотел тебя пугать...

Он судорожно вытащил из коробки бумажную салфетку, собираясь утереть слёзы малютки, но тот был настолько мал, что мужчина просто побоялся прикоснуться к нему столь грубым предметом.

Бесполезно глядя на плачущую кроху, он вдруг вспомнил, как его ассистент Тан хвастался безотказным приёмом, которым мирил свою девушку — подарками!

В голове тут же вспыхнула мысль о вещах, которые он мастерил последние два дня, наблюдая за камерами. Словно найдя бесценное сокровище, Жун Чэньцзюнь сорвался с места и бросился в кабинет.

Спустя секунду он вернулся в гостиную, бережно держа в руках резную деревянную шкатулку.

Детские слёзы высохли так же быстро, как и появились. Заметив суету покровителя, Даньдань перестал плакать и с любопытством уставился на коробочку.

Жун Чэньцзюнь опустился на ковёр перед диваном, устроился поудобнее и с гордостью заговорщика водрузил деревянную шкатулку на диванную подушку.

— Погляди, что я смастерил для тебя за эти дни, — мягко произнёс он, плавно приоткрывая крышку. — Надеюсь, тебе понравится.

Даньдань заглянул внутрь и восторженно округлил глаза:

— Ого!

Шкатулка была доверху забита крошечными сокровищами. Там лежали малюсенькие

рубашечки, штанишки, туфельки, какое-то подобие платяца, миниатюрные полотенца, одеяльца и тончайшие простынки.

— Я сшил это специально для тебя. Позже хочу освоить микрорезьбу по дереву, чтобы сделать тебе посуду — тарелочки, чашки. Нравится?

— Очень нравится! Какая прелесть! — пропел Даньдань.

Не в силах сдержать восторг, он вытащил один из крошечных нарядов и прямо на глазах у Жун Чэньцзюня без тени смущения стянул с себя непомерно длинную рубашку, чтобы примерить обновку.

Мужчина не ожидал такой непосредственности. Малыш разделся донага прямо перед ним. С близкого расстояния Жун Чэньцзюнь невольно разглядел крошечное, едва заметное мужское достоинство. Он невольно улыбнулся, но вовремя взял себя в руки, чтобы не обидеть кроху смехом.

Кожа малютки оказалась невероятно белой и нежной, словно тончайший фарфор — казалось, от малейшего неосторожного прикосновения на ней останутся следы. Жун Чэньцзюнь мысленно похвалил себя за то, что выбрал для шитья самые мягкие и дорогие ткани, иначе грубые швы мгновенно растёрли бы это хрупкое тельце до красноты.

Шил он на глаз, поэтому, хотя новые вещи сидели на Даньдане куда лучше прежнего кукольного тряпья, они всё равно слегка топорщились и были великоваты.

— Спасибо тебе, Жун-жун!

Жун Чэньцзюнь замер от неожиданности:

— Как ты меня назвал?

— Жун-жун. Тебе не нравится? — захлопал ресницами кроха.

— Нравится. Называй меня как хочешь, мне всё по душе.

— Жун-жун, а это одеялко такое мягкое!

Даньдань обхватил крошечный лоскуток нежного бархата и принялся упоительно тереться об него щекой.

— А то постель в моём домике совсем жёсткая, спать на ней было неудобно.

В кукольном особняке действительно имелся полный комплект мебели: крошечный диванчик, кровать, шкафы и письменный стол. Хотя эти игрушки выглядели мило, материалы для них использовались самые дешёвые и жёсткие, рассчитанные лишь на декоративный вид. Там не было ни тонкой посуды, ни мягкого постельного белья, из-за чего малютке приходилось спать на грубой синтетике.

Для этого пледа Жун Чэньцзюнь специально подобрал нежнейший велюр из своих запасов. Будучи профессиональным дизайнером, он прекрасно разбирался в свойствах тканей и знал, что этот ультрамягкий материал идеально подойдёт для чувствительной кожи крохи.

Счастливый вид Даньдани растопил остатки сдержанности Жун Чэньцзюня. В его душе с новой силой вспыхнул азарт творца. Такой очаровательный малыш заслуживал собственного огромного гардероба с сотнями изысканных нарядов и аксессуаров на любой случай!

Как истинный кутюрье, поймавший музу за хвост, он загорелся идеей немедленно засесть за эскизы и раскройку. Он уже попытался подняться, как вдруг тонкий голосок вернул его на землю:

— Жун-жун... А ты правда обещал меня покормить? Я так проголодался. По телевизору говорили, что если долго не кушать, можно заболеть.

Жун Чэньцзюнь мысленно вскричал:

«Покушать! Срочно накормить кроху! Какое к чёрту шитьё, какие эскизы?!»

Так великий дизайнер Жун впервые в своей жизни без малейших колебаний забросил любимое творчество ради куда более важного дела.

<http://bllate.org/book/18224/1746649>